

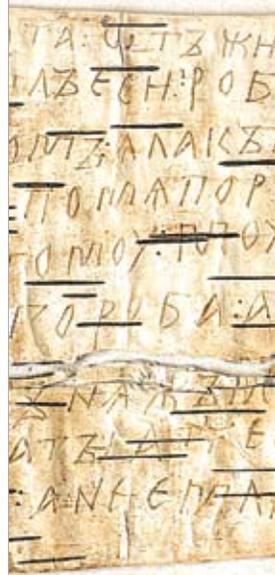
Белорусский русский язык

Каждый народ обладает присущими только ему особенностями национального характера, восприятия мира и себя в мире. Есть они и у белорусов. Одна из них – отношение к своему двуязычию и роли русского языка в повседневной жизни. Привычным уже стало сожаление о том, что мы плохо знаем и мало употребляем «матчину мову», а более распространен «чужой язык». И если первое утверждение вполне можно признать справедливым, то со вторым вряд ли можно согласиться. Такой ли уж чужой для нас русский язык?

ОБЩИЙ ИСТОК

Белорусский, русский и украинский языки и культура уходят корнями к одному животворному роднику – былинным временам Киевской Руси – первооснове восточнославянской цивилизации, настоящему «золотому» веку общерусской культуры. Современный белорусский философ И.В. Бусько отмечает: «С X века роль этнического самосознания выполняла восточнохристианская, православная идентичность, сливавшаяся с этнонимом «Русь», самоназванием «русский» [1, с. 343].

Сейчас по находкам целых архивов берестяных грамот, граффити на стенах соборов и церквей можно утверждать, что тогда, в XI–XIII веках, в русских городах, таких как Киев, Полоцк, Новгород, Витебск, Чернигов, население было почти поголовно грамотным. После принятия Крещения в 988 году на Руси процветала книжность. Ее бурный расцвет – явление удивительное и небывалое. Известный исследователь древнерусской литературы академик Д.С. Лихачев писал: «Перед нами как бы сразу – произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию...». Он же отмечал, что этому периоду принадлежит исключительная роль в развитии русской словесности: «Именно в этот век возникли все ее наиболее характерные особенности – стилистические и... идейные» [2, с. 14]. Появляется плеяда выдающихся писателей и проповедников: Авраамий Смоленский и

Лука Новгородский, Илларион Киевский и Климент Смолятич. Но звездой первой величины на небосклоне древнерусской литературы по праву признается уроженец древнего Турова епископ Кирилл.

Об общерусском значении творчества Кирилла Туровского говорит тот факт, что его церковное почитание началось практически сразу после смерти одновременно по всей Древней Руси. Уже в рукописи XIII века он назван святым. Первое житие св. Кирилла было составлено в северо-восточной Руси, вероятнее всего, в Ростове [3, с. 99]. И это неудивительно. Ведь духовным сыном Кирилла был знаменитый русский князь Андрей Юрьевич Боголюбский, правитель Ростово-Суздальской земли, в 1150–1151 годах бывший и туровским князем. Тогда еще молодой князь не мог не поддаться влиянию златоречивого проповедника. Кстати, и сам великий князь был впоследствии признан церковью святым. Слова преподобного Кирилла падали на благодатную почву. Но отношения Кирилла с князем Андреем были непростыми. И через призму этих отношений видно, насколько важным для Кирилла Туровского было единство Русской земли. Несмотря на начавшийся период феодальной раздробленности, княжеские междоусобицы, тогдашнее общество воспринимало общерусские духовные узы как непреходящую ценность. Одно из самых известных произведений «Кирилла мниха» «Притча о слепце и хромце» – яркое тому свидетельство. В нем Кирилл Туровский в художественной форме как строгий пастырь осуждает попытку князя Андрея и ростовского епископа Феодора отделить северо-восточную епархию от остальной Русской православной церкви. Уроженцу Турова, духовному владыке этой земли безразличны события, разворачивающиеся на большом удалении от его княжества. Более того, он воспринимает их близко к сердцу, и не только как епископ, который заботится о единстве церкви. Он предстает как патриот всей Русской земли. Для него Русь – это единый

РУССКИЙ МАКИАВЕЛЛИ

живой организм, христианская держава, основанная великим князем Владимиром. Произведения Кирилла, очевидно, отражают и общественное мнение того периода. По крайней мере, раскольник Феодор был осужден на церковном соборе, предан анафеме и сослан на остров Песий. А князь Андрей так и не решился пойти на создание собственной митрополии во Владимиро-Суздальской земле.

Влияние Кирилла на книжность и словесность Руси колоссально. Известный исследователь древнерусской литературы И.П. Еремин писал: «В сознании древнерусского человека творчество Кирилла Туровского служило наглядным свидетельством выдающихся успехов молодой русской литературы, не только догнавшей, но уже и опередившей в его лице современную греческую литературу; включая речи Кирилла в состав «Златоуста» и «Торжественника», древнерусские книжники утверждали право русских писателей на равное место с наиболее прославленными греческими церковными писателями древности» [4]. Не зря уже при жизни современники называли его «златословым учителем» и «вторым Златоустом... воссиявшим паче всех на Руси». Все труды Кирилла Туровского сохранились в позднейших списках, то есть они многократно переписывались, причем в самых разных уголках Древней Руси. Ни один древнерусский писатель и проповедник не оставил такого богатого творческого наследия, как Кирилл Туровский. Оно включает около 70 произведений. Правда, некоторые из них считаются только приписываемыми знаменитому писателю. Как известно, Кириллу Туровскому приписывают и авторство самого знаменитого произведения древнерусской литературы – «Слова о полку Игореве». В современной науке эта версия подвергается сомнению и не разделяется большинством ученых. Но уже само это предположение говорит об авторитете уроженца Турова как у современников, так и у последующих поколений русских писателей, философов и церковных деятелей. Именно он заложил жанровые основы русской литературы на многие годы и столетия вперед. В его молитвах, словах, проповедях, притчах видно и стремление приблизить книжный церковнославянский язык к народному, разговорному.

В наши дни в Беларуси имя Ивана Семеновича Пересветова вспоминается незаслуженно редко. А ведь он по праву может считаться отечественным Макиавелли. Иван Семенович происходил из белорусской православной шляхты Великого княжества Литовского. В конце 20-х годов XVI века поступил на рыцарскую службу к венгерскому королю Яношу Запольяи. В венгерском войске служил в полку Фредерика Сапезича три года. Затем Пересветов с другими соотечественниками по воле польского короля Сигизмунда Старого перешел на службу к чешскому королю Фердинанду Габсбургу. И ему прослужил три года под началом гетмана Андрея Точинского. Дальше была служба молдавскому господарю Петру IV. И уже после этого белорусский воин перешел на службу к русскому государю Ивану IV, поскольку, по его словам, «слышал от многих мудрецов, что быть ему, по небесному знаменью, великим царем» [здесь и далее цит. по 5]. В Московское государство Иван Пересветов приехал для организации мастерской «гусарских щитов». Но стал известен в истории как один из основателей русской политической публицистики.

В своей «Большой челобитной», адресованной царю Ивану Васильевичу Грозному, автор ссылается на «премудрости греческих философов, латинских докторов и Петра, молдавского воеводы... от наставлений веры и от философской мудрости». Белорусский шляхтич излагает развернутую программу построения «правильной» государственной власти. Само по себе это было делом удивительным для Московской державы. Новаторским был и слог политического текста. В нем мы не увидим пространных ссылок на библейские и церковные авторитеты. «Большая челобитная» Ивана Пересветова – по сути своей конспективный план деятельности, предлагаемый русскому правительству. «Кто из воинов отважно будет вести смертную игру с врагом государевым и крепко стоять за веру христианскую, то такому воину и честь воздавать, и сердце веселить, и жалованье прибавлять из государевой казны, и к таким воинам сердце обращать,

Памятник
Кириллу Туровскому
в Гомеле

к себе их приближать, верить им во всем, просьбы их выслушивать обо всем, любить, как отец детей своих, и быть к ним щедрым... Какова щедрость государя к воинам, такова и мудрость его...». Чем не план создания постоянного стрелецкого войска, или, к примеру, опричнины Ивана Грозного? Кстати, в работе Пересветова есть и обоснование государственного политического террора, совершенно в духе жестокого XVI века: «Пусть, с Божьей помощью, всякий, кто хочет, знает, что когда пропадает у царя врожденная доблесть и сходит на него великая кротость, это и есть происки врагов его». Называет Пересветов и врагов государевых – это злобное боярство, вельможи, которые обируют государство, злоумышляют против царя. Именно они, по мысли автора, и погубили великую Византийскую империю – славное греческое православное царство. Иван Семенович дает конкретный ответ на вопрос, что же следует делать с этими врагами: «Таких надо в огне сжигать и другим лютым смертям предавать, чтобы не умножились беды».

В своем относительно небольшом по объему произведении Пересветов предстает и как первый русский геополитик. Так, он призывает московского государя подчинить «казанские улусы», давая при этом прагматичное обоснование подобному походу, который, как известно, состоялся впоследствии и завершился победой русского оружия: «И мы сильно удивляемся тому, что столь небольшая и очень плодородная земля, почти за пазухой у такого великого и сильного царя, а не усмирена... А хоть бы такая земля и смирилась, все равно за ее плодородие нельзя было бы так оставить». Чем не пресловутая и прославляемая ныне Realpolitik?

Впервые в русской политической мысли Иван Пересветов обозначил и определил на многие столетия вперед идею покровительства России не только восточнославянским народам, но и всем православным странам: «Вся греческая вера гордится теперь русским царством, ожидая от Бога великого милосердия и помощи Божьей, чтобы освободиться с помощью русского царя от насилий турецкого царя-иноплеменника». Автор пишет: «Теперь только на то я надеюсь, что пишут мудрые философы и докторы о благоверном царе и великом князе всея Руси Иване Васильевиче, что будет он мудр и введет правду в свое царство». И далее: «Если только сохранит его Бог от уловок вельмож его, по всей

Вселенной не будет такого мудрого воина и счастливого в военных делах. Тогда введет он в царстве своем великую справедливость и утешит Бога сердечной радостью, а за это Господь Бог подчинит ему многие царства». В создании идеологии русского самодержавия, его внешнеполитической доктрины Иван Пересветов значительно опередил свое время. Влияние подобных идей ощущалось не только в российской политике, но и в русской литературе. Сравните эти рассуждения белоруса Ивана Пересветова со знаменитой финальной речью гоголевского Тараса Бульбы: «Постойте же, придет

время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!» [6].

В работе Пересветова можно встретить и другие идеи, реализованные затем в царствование Ивана Грозного, причем, в различные его периоды – от реформаторского времени «Избранной рады» до эпохи жесточайших репрессий. Всею Пересветов находил обоснование.

Его идеал – справедливая самодержавная власть. Но он же предстает и как первый критик порядков, царивших в Москве. Чего стоит только это восклицание в «Малой челобитной»: «Служил я, государь, трем королям, а таких притеснений ни в одном королевстве не видал. Что было, с собой привез я добра, все здесь потратил за притеснениями и волокитами. Из Москвы на службу, со службы в Москву, а к тебе, государь, благоверному царю, подступиться невозможно». Возможно, за эти слова или за какую другую провинность, а быть может, и без всякой вины попал Иван Пересветов в царскую немилость. В описи архива Ивана Васильевича Грозного действительно упоминается «черной список Ивашка Пересветова да Петра Губастого...». Из этого следует, что белорусский публицист, призывавший царскую грозу на врагов, и сам не избежал гнева государева. «Черной список» – это следственное дело. Какова была дальнейшая судьба Ивана Пересветова, сказать трудно, поскольку в документах имя его более не упоминается [7, с. 178–182].

Иван Васильевич Грозный. Портрет работы неизвестного русского художника XVI века

Очевидно, с позиции сегодняшнего дня некоторые мысли Ивана Пересветова могут показаться чрезмерно жестокими и циничными. Но не следует забывать, в какое время он жил. Тогда возникали новые централизованные европейские государства. Они рождались в крови и муках абсолютистских монархий. Тот же Никколо Макиавелли, почитаемый едва ли не как отец современной политологии, в своем главном произведении «Государь» отнюдь не отличался добродетельными наставлениями. Обозрев деятельность герцога Чезаре Борджиа, состоявшую, в основном, из политических убийств, кровавых казней и двуличных интриг, знаменитый итальянец пришел к выводу, что герцога не в чем упрекнуть. Ну, а это его рассуждение стало и вовсе хрестоматийным: «Тут возникает спорный вопрос: что предпочтительнее – быть любимым или внушать страх. Ответ таков, что желательно и то, и другое, но поскольку трудно соединять в себе оба этих свойства, гораздо надежнее внушать страх, чем любовь, если уж приходится выбирать одно из них» [8, с. 335]. Так что Иван Пересветов был сыном своего времени, настоящим политическим мыслителем эпохи Возрождения, принесшим его идеи и в Россию.

БЕЛОРУССКИЕ КОРНИ РУССКОЙ КНИГИ

В данном случае речь идет не о мифическом белорусском происхождении московского первопечатника Ивана Федорова. Версия эта, хотя и лестная для нашей страны, недоказуема и, скорее всего, мало обоснованна. И все же влияние белорусов на русское книгопечатание было поистине огромным и определяющим. Уже сам восточнославянский первопечатник белорус Франциск Скорина, очевидно, писал свои книги не только для жителей Великого княжества, но и для подданных Московского государства. Не случайно его главное издание называлось «Бивлия Руска». Книги Скорины написаны на едином для всех восточных славян церковнославянском языке, хотя и в своеобразной белорусской редакции [9, с. 210]. Этот язык и для современников, и для последующих поколений оставался единым «словенским языком», понимаемым по обе стороны литовско-московской границы. Первopечатник, хотя и носил ка-

толическое имя Франциск, явно ориентировался на православную аудиторию. Поэтому его издания во многом соответствуют православным канонам. Так, в «Святцах» из «Малой подорожной книжки» Скорина придерживается православного календаря, приводит имена русских святых Бориса и Глеба, Феодосия и Антония Печерских, но там нет западных святых, даже св. Франциска. В полном соответствии с православными канонами издана и скориновская «Псалтырь». Показательно и то, что в напечатанном Скориной «Символе веры» отсутствует *filioque* – добавление, привнесенное католиками в текст, утвержденный Никейским и Цареградским Вселенскими соборами. Наконец, в «Малой подорожной книжке» встречаются и прямые молитвенные обороты, рассчитанные на православных не только ВКЛ: «Утверди, Боже, святую православную веру православных христиан во век века».

То, что Скорина в своей деятельности ориентировался на общерусского читателя, не ограничиваясь границами ВКЛ, подтверждает и факт его визита в 1534 году в Московское государство, где он пытался начать книгоиздательскую и просветительскую деятельность. Однако власти тогда отнеслись крайне настроенно к при-

шельцу с Запада. Его попросту изгнали, а книги сожгли, все-таки заподозрив их в ереси [10]. Семена просвещения, оставленные в Москве Ф. Скориной, дали всходы спустя тридцать лет.

Первой точно датированной книгой, напечатанной в Москве, стал «Апостол», увидевший

свет в марте 1564 года. На книге указаны и имена издателей: москвитянина Ивана Федорова и выходца из Беларуси Петра Мстиславца. Впоследствии оба печатника, опять-таки из-за гонений, вынужденные были переехать в ВКЛ. Здесь, в Вильно, они разработали новый шрифт с кинорью, крупной уставной буквой великорусского почерка. Именно этим шрифтом на протяжении десятилетий печатались

«Апостол»
Ивана Федорова.
Московское
издание 1564 года

книги, расхордившиеся не только в ВКЛ, но и в Московском государстве.

Неоценимую роль в развитии русского книгопечатания сыграла знаменитая Кутейнская печатня. Она начала действовать в 1631 году в Богоявленском монастыре на окраине Орши. Сам монастырь, как и впоследствии типография, был основан в имении Кутейно одним из последних православных магнатов ВКЛ Богданом Статкевичем. А ее руководителем стал известный деятель братского движения Спиридон Соболев. Затем типографию возглавил игумен Иоиль Турцевич. Он же писал и многочисленные предисловия к церковным изданиям. Игумен Иоиль искренне считал, что только покровительство Русской державы может спасти православных Беларуси и Украины от притеснений со стороны окатоличенной и ополяченной шляхты, а потому приветствовал русские войска, которые вступили на территорию Речи Посполитой в 1654 году. Уже тогда слава Кутейнской типографии была так велика, что московский патриарх Никон принял решение перевезти все ее оборудование вместе с монахами Богоявленского монастыря в Иверскую обитель под Новгородом на Валдайском озере. В 1665 году типографию перевезли в очередной раз – в Воскресенский монастырь. В 1676 году оборудование было передано в Москву для царской типографии, основанной опять-таки белорусом Симеоном Полоцким. Это было событие почти революционное для развития просвещения в России. Ведь вплоть до смерти царя Алексея Михайловича в Москве была только одна типография. Новый российский государь Федор Алексеевич разрешил открыть для своего учителя Симеона Полоцкого еще одну – прямо в Кремле.

Наконец, белорусы приложили руку к самому внешнему виду современной русской азбуки. Ее появление связано с именем Ильи Федоровича Копиевича (Копиевского). Его жизнь – отражение судьбы многих белорусов в беспокойный и трагический XVII век. Уроженец Мстиславщины,

Свято-Богоявленский Кутейнский мужской монастырь в Орше

Титульный лист книги «Руководение в грамматку славяно-русскую...» Ильи Копиевича. Штольценберг, 1706 год

РЪКОВЕДѢНІЕ ВЪ ГРАМ-
МАТЫКЪ.
MANUDUCTIO
IN
GRAMMATICAM.
Во славяно-руськую.
In Sclavonico Rossenarum.
Или Московскою. Seu Moscoviticam,
Ко оутрачено In Ulrum
оучающею discipulorum
языку linguam
Московскою. Moscoviticam.
Per
ELIAM KOPJEVITZ, V.D.M.
Adornes
ANNO 1706,
Ejusdem impensis
& Typis.
STOLTZENBERGII,
Excudebat, CHRISTIANUS PHILIPPUS
COLTZEIUS.

он воспитывался в кальвинистской семье. Во время русско-польской войны 1654–1667 годов в 9 лет был вывезен русским воеводой Хованским в поместье под Тверь. Оттуда мальчику удалось бежать в Москву. Но его тянуло домой. Российские власти после заключения перемирия с Польшей отпускали желавших вернуться на родину. Копиевич выехал туда вместе с мстиславским воеводой Цехановецким. Встреча была неприветливой: власти Речи Посполитой конфисковали его имущество, а самого обвинили в измене и сотрудничестве с московскими властями. Илья Копиевич был вынужден эмигрировать в Голландию. Здесь в 1697 году он познакомился с молодым Петром I, совершавшим свое знаменитое путешествие по Европе в составе Великого посольства. Это знакомство сыграет немаловажную роль в жизни уроженца Беларуси. В Голландии Илья Копиевич занимался изданием славянских книг. В 1700 году открыл собственную типографию. В ней были изданы на русском языке первые учебники и учебные пособия по истории, арифметике, военному и морскому делу, латинские и русские грамматики, русско-латинско-немецкий и русско-латинско-голландский словари, первая карта звездного неба на русском языке. Биография Ильи Копиевича интересна и порой напоминает приключенческий роман. Вот только трудностей, лишений и тяжелого всепоглощающего труда было в ней больше, чем захватывающих дворцовых интриг и авантюры. Это приключения интеллигента, оказавшегося на перепутье истории в суровую и жестокую эпоху. В 1707 году Копиевич принял присягу на верность России, работал переводчиком Посольского приказа. В том же году он получил приглашение принять участие в разработке нового гражданского шрифта, введенного Петром I через год. Еще долго этот шрифт назывался в России то амстердамскими литерными, то гражданской, то белорусской азбукой. Усовершенствованная белорусом кириллица и поныне лежит в основе азбук русского, белорусского, болгарского, украинского, македонского и других языков. Именно Илья Федорович Копиевич ввел в русский язык написание арабских цифр (ранее они писались при помощи букв с титлами) [11, с. 134]. Правда, сейчас многие исследователи ставят под сомнение факт

авторства Копиевича в создании собственно самого гражданского шрифта Петра I. Но если о степени участия уроженца Беларуси в данном проекте можно дискутировать, то его роль в просветительской работе в России, в развитии русского книгопечатания неопределима. По сути, она являлась продолжением скороиновских традиций.

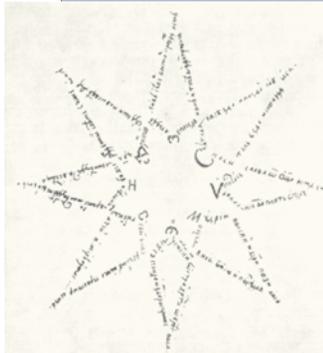
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРАДЕД ПУШКИНА

После окончания кровопролитной русско-польской войны 1654–1667 годов, во второй половине XVII века в Русском государстве проживало множество выходцев из Беларуси. Точное их число неизвестно. В литературе встречается цифра в 300 тыс. человек. Предположительно каждый пятый житель Москвы был белорусом. Очевидно, выходцы из нашей страны не могли не оказать влияния и на разговорный язык жителей российской столицы. Кто знает, возможно, аканье и штоканье москвичей имеет белорусские корни. Белорусы населяли целые кварталы российской столицы. Они образовывали и отдельные поселения. Белорусы компактно проживали в Гончарной и Бронной, Старопанской, Панской слободах. Особым царским указом была создана Мещанская слобода в Москве, подчиненная Посольскому приказу. В ней поселились 487 белорусских семей. Вскоре подобные слободы появились во многих районах обширного государства. Трудно переоценить роль белорусов в освоении Урала и Сибири. Многие из переселенцев добивались высоких руководящих постов. Белорусы управляли крупнейшими железодельными заводами в Малоярославце и Серпухове.

Московские белорусы отличались высоким для своего времени уровнем образованности – более трети из них были грамотными. В Мещанской слободе действовала своя школа, считавшаяся одной из лучших в Москве. С белорусами связаны и первые шаги русского профессионального театра. В 1675 году дети белорусских жителей Мещанской слободы поставили спектакль «Жалостная комедия», после чего были созданы постоянная труппа, а также специализированные артистическая и балетная школы – первые театральные учебные заведения в России.

Симеон Полоцкий. Портрет выполнен русским гравёром академиком Н.И. Соколовым для издания П.П. Бекетова «Пантеон российских авторов», 1801 год

Стихотворение Симеона Полоцкого в форме звезды «Благоприветствие царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона»

Стихотворение Симеона Полоцкого в форме звезды «Благоприветствие царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона»

Самым известным белорусом в Москве в то время был Самуил Гаврилович Ситнянович-Петровский, вошедший в историю как Симеон Полоцкий. К фигуре этого незаурядного человека и отношение было всегда столь же неоднозначное. При жизни он нажил много врагов как на родине в Беларуси, так и в придворных и церковных кругах Русского государства. Историки литературы также по-разному оценивают степень его дарований. По словам академика Д.С. Лихачева, творчество Симеона Полоцкого положило начало литературному направлению, которое приняло на себя функцию «своеобразного русского Возрождения» [12, с. 308, 321, 324]. А вот известный русский богослов Георгий Флоровский написал о Симеоне Полоцком такие строки: «Довольно заурядный западно-русский начётчик, или книжник, но очень ловкий, изворотливый, и спорый в делах житейских, сумевший высоко и твёрдо стать в озадаченном Московском обществе <...> как пиит и виршеслагатель, как учёный человек для всяких поручений» [13, с. 75].

Но никто не ставит под сомнение историческое значение уроженца белорусского Полоцка – он совершил настоящий переворот в русской литературе, открыл для нее новую дорогу. До Симеона Полоцкого в Москве существовала весьма своеобразная школа так называемой приказной поэзии. Ее представители (М.Ю. Татищев, А.И. Зюзин, Антоний Подольский и другие) составляли старомодные, громоздкие послания, книжные предисловия [14, с. 34–77]. Литературой в полном смысле слова это назвать трудно. Симеон Полоцкий познакомил Москву с изящной по форме поэзией барокко.

Поэт был невероятно плодовит, на грани графомании, и не всегда писал вирши высокой художественной ценности. В своих «Метрах» на встречу царя Алексея Михайловича в Полоцке в 1656 году он использовал литературную основу «Просфонимы», изданной в конце XVI века, где прославлялся киевский митрополит. В новом произведении был изменен только объект прославления. Подобное ремесленничество весьма характерно для барочного искусства. Фактически Симеон Полоцкий

и был родоначальником московского литературного барокко.

В Москве Симеон Полоцкий продолжал начатую на родине деятельность «дидаскала» – педагога. Он воспитывал государевых детей (одного из них, будущего царя Федора Алексеевича, приучил даже сочинять вирши), открыл латинскую школу в Заиконоспасском монастыре – для молодых подьячих Приказа тайных дел, собственной канцелярии царя Алексея Михайловича. Специально для Симеона была учреждена и новая для России должность – придворного проповедника и поэта. Любое событие в царской семье – кончины, браки, именины, рождения детей – давало Симеону Полоцкому повод для сочинения панегириков и эпитафий, равно как и для произнесения «ораций». Возможно, отсюда и такое обилие рифмованных строчек, выдаваемых «на гора». Проповеди Симеона, напечатанные уже после его смерти, составили два больших тома – «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683). Стихотворения на случай поэт к концу своей жизни собрал в огромный «Рифмологион, или Стихослов» (этот сборник дошел в черновом автографе и опубликован лишь в извлечениях).

Наследие Симеона Полоцкого очень велико. Считается, что он оставил, по крайней мере, пятьдесят тысяч стихотворных строк. Кроме «Рифмологиона», это «Псалтырь рифмотворная» (вышла в свет в 1680 году) и оставшийся в рукописях колоссальный сборник «Вертоград многоцветный» (1678) – своего рода поэтическая энциклопедия, в которой стихотворения расположены в алфавитном порядке. В «Вертограде» насчитывается 1155 названий, причем под одним заглавием часто помещается целый цикл – от двух до двенадцати стихотворений. Сильвестр Медведев (1641–1691), ученик Симеона Полоцкого (в Заиконоспасском монастыре они жили в соседних покоях, соединявшихся общим коридором), вспоминал, что Симеон «на всякий же день име залог писати в полдесть по полутетради, а писание его бе зело мелко и уписисто», т.е. он каждый день исписывал мелким почерком восемь страниц нынешнего тетрадного формата. Академик А.М. Панченко высоко оценивал вклад Симеона Полоцкого не только в развитие русской литературы, но и языка: «Такая плодovitость вообще характерна

для многих барочных литераторов. Это – не графомания, а творческая установка: Симеон Полоцкий поставил перед собою цель создать в России новую словесную культуру» [15].

Без произведений Симеона Полоцкого трудно представить творчество Василия Тредиаковского и Михаила Ломоносова. Причем влияние Симеона Полоцкого на то же Ломоносова было не опосредованное, а прямое. Сам Михайло Васильевич признавался, что стихотворный перевод Псалтыри, выполненный Полоцким, наряду с «Грамматикой» Мелетия Смотрицкого открыли для него «врата учености». Последователем Ломоносова в литературе был, в свою очередь, Гавриил Державин. А он, как известно, благословил самого Александра Сергеевича Пушкина. Так что Симеон Полоцкий является в известном смысле творческим прадедом величайшего русского поэта.

***

Просвещенный читатель может задаться вопросом, зачем понадобилось заново припоминать все эти более или менее известные факты? Дело тут вот в чем. 15 лет назад, в 1995 году, по воле народа на референдуме в Республике Беларусь было принято решение о двуязычии, восстановлении статуса государственного для русского языка. Но до сих пор приходится слышать мнение о русском языке как о каком-то иностранном, едва ли не колониальном наследии имперских времен. Однако нашими предками (и приведенные выше сведения это подтверждают) русский язык никогда не воспринимался как чужеродный. Русский – это общий язык всех восточных славян. Белорусы, впрочем, как и украинцы, на протяжении столетий вносили свой вклад в развитие и обогащение русской письменной и устной речи. Более того, без этого вклада современные русский язык и литературу невозможно даже представить.

Конечно, можно возразить, что уроженцы Беларуси внесли большой вклад и в развитие польской культуры. Верно, и все же есть существенное отличие. И А. Миц-

Учитель русского языка и литературы Витебской средней школы № 39 Елена Крикливец – лауреат VII Пушкинского конкурса для учителей стран СНГ и Балтии

кевич, и В. Сырокомля, и Э. Ожешко были убежденными польскими патриотами. На свое происхождение из белорусских земель они смотрели как на некую любопытную, но все же этнографическую особенность, и не более. Да и сам край воспринимался ими как историческая часть Польши. А вот из перечисленных в данной статье персонажей никто и никогда не отрекался от своего белорусского происхождения и не стремился стать великороссом. Особый случай представляет Кирилл Туровский. Но он жил в ту эпоху, когда не было еще разделения восточных славян на три народа. Именно при его жизни, в XII веке исчезают племенные различия и появляется единый древнерусский народ. Ситуация изменилась в последующую эпоху, когда на историческую арену вышли новые восточнославянские народы-братья. И уже Франциск Скорина и Петр Мстиславец, Иван Пересветов и Илья Копиевич, Иоиль Турцевич и Симеон Полоцкий осознавали свои отличия от москвитян, при всяком случае подчеркивали свою этническую самость. Кстати, это порой вызывало серьезное раздражение в Москве. Являясь новаторами русского языка, они оставались белорусами. И, судя по всему, не ощущали никаких душевных переживаний по этому поводу.

И в наши дни белорусы имеют такое же право участвовать в процессе обновления и обогащения русского языка, как делали это наши предки на протяжении столетий. Мы не будем сейчас вдаваться в застарелый и надуманный спор о том, как правильно писать, а уж тем более произносить «Беларусь» или «Белоруссия». Однако обидно слышать от некоторых российских политиков и ученых, что белорусы, дескать, не имеют права рассуждать о нормах русского языка. Осталось им только еще добавить, вслед за нашими националистами, «чужого» языка. Нет! Русский язык, так же, как и русский человек, не чужой для белорусов. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко на пресс-конференции для представителей белорусских СМИ 30 декабря 2009 года заявил: «И этот язык, который называем русским, не «расейским», как некоторые у нас называют его, русским языком, — там душа нашего народа почти последнее столетие, да и, наверное, больше. Мы в составе и Российской империи намыкались. Но этот язык был нашим

языком. Мы туда немало вложили. Почему же мы так быстро пытаемся забыть то, что создано нами? Почему мы пытаемся выбросить?» [16].

Русский язык напоен звуками и нашего говора, он впитал соки и нашей земли. Это достояние и гордость белорусов так же, как и русских, и украинцев. Насколько бы бедным был русский язык, если бы оставался только языком Москвы, Питера или Вологды! Да и нам, белорусам, пора оставить неуместные комплексы и по праву гордиться своим двуязычием, этим пусть не уникальным на планете, но таким замечательным отличием нашей нации!

Вадим ГИГИН,
кандидат исторических наук

ЛИТЕРАТУРА

1. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. / Ч.С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч.С. Кирвеля. — 2-е изд., перераб. и доп. — Гродно, 2009.
2. Лихачев, Д.С. Величие древней литературы / Д.С. Лихачев // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века. — М., 1978.
3. Гісторыя беларускай літаратуры XI — XIX стагоддзяў: у 2 тт. — Т. 1. Даўняя літаратура: XI — першая палова XVIII стагоддзя / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; навук. рэд. тома В.А. Чамярыцкі. — 2-е выд. — Мн.: Бел. навука, 2006.
4. Еремин, И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И.П. Еремин. — Л., 1987. — С. 223–234.
5. Пересветов, И.С. Большая челобитная / И.С. Пересветов // Антология мировой политической мысли: в 5 тт. — Т. 3. Политическая мысль в России: X — первая половина XIX в. / Нац. обществ.-науч. фонд Акад. полит. науки; руководитель проекта Г.Ю. Семин и др. — М., 1997. — С. 169–181.
6. Гоголь, Н.В. Тарас Бульба. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0040.shtml.
7. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2. Вторая пол. XIV — XVI в. — Ч. 1. — Л., 1988.
8. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли / Пер. с итальянского. — М.-СПб., 2006.
9. Мова выданняў Францыска Скарыны / А.М. Булька, А.І. Жураўскі, У.М. Свяжынскі. — Мн., 1990.
10. Документы о Франциске Скорине. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://starbel.narod.ru/skar_zhycc.rar
11. 400 лет русского книгопечатания. — М., 1964.
12. Лихачев, Д.С. XVII век в русской литературе / Д.С. Лихачев // XVII век в мировом литературном развитии. — М., 1969.
13. Флоровский, Георгий (прот.). Пути русского богословия / Г. Флоровский. — Париж, 1937.
14. Панченко, А.М. Русская стихотворная культура XVII века / А.М. Панченко. — М., 1973.
15. Панченко, А.М. Московское барокко. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?PageContentID=155&tabid=2344>
16. Стенограмма пресс-конференции Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко представителям белорусских СМИ, 30.12.2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://president.gov.by/press/81323.html#doc>.